

ПРИВОРОТНОЕ ЗЕЛЬЕ от Михаила Ульянова

В тени собственной славы

Кажется, о народном артисте России Михаиле Ульянове мы знаем все: был и депутатом, и председателем Союза театральных деятелей, и до последнего времени художественный руководитель Театра им. Евгения Вахтангова. Его роли любимы зрителями, к его мнению прислушивались Президент СССР Михаил Горбачев, многие сильные мира сего. Жизнь на виду, когда нет ничего не известного, неведомого широким народным массам. И все же есть неизвестный Ульянов, который раскрывается в его книге "Приворотное зелье" ровно настолько, насколько позволяет ему скромность, чувство меры и такт. Отрывки из этой книги мы и предлагаем читателям.

Большая семья большого мастера.

Слишком чуждый детям

Отзывы родных о моих актерских работах не отличались восторженностью. Когда я стал уже сниматься в кино, в частности сыграл роль председателя колхоза в фильме по сценарию Юрия Нагибина, за которую был удостоен Ленинской премии, мои родители, посмотрев "Председателя", на вопрос: "Ну как?" ответили: "Ничего". Это была их самая высокая оценка.

Вспоминаю, как я по-настоящему плакал, когда постыдно провалился в роли Шмаги, первой моей роли в Омском театре. (В скобках замечу, что сейчас я тоже играю Шмагу, подумав только: через пятьдесят с лишним лет! Таков вот культ судьбы.) Могут представить, как смешон был я, зелепушный мальчишка, произнося эту фразу: "Ну и дальнейшее наше существование не обеспечено".

Я сокрушенно думал: это конец, это полный крах, надо уходить из театра. Конечно, я был во власти мальчишеского максимализма. Но еще не раз я падал в пропасть отчаяния, пока не научился принимать удары судьбы спокойно, хотя не могу сказать, что стал железобетонным и от меня все отлетает. Не отлетает — бьет по сердцу, и порой очень чувствительно, но внешне это редко проявляется, я научился властвовать собой.

В 1950 году меня после окончания театрального училища им. Б.В. Шукина приняли в Театр им. Евг. Вахтангова. Начал я довольно успешно. Дебют был громкий: я сыграл С.М. Кирова в спектакле "Крепость на Волге". Играл я его слабо. Да и не мог я еще: одолеть эту мощную фигуру. А я еще зеленый актер, да и не актер еще: училище дает лишь диплом и теорию. А опыт набирать надо в театре. Да и побыстрей.

Итак, первый шаг был сделан. И шаг оказался заметным. Потом был занят в других спектаклях. Судьба театральная складывалась не худо.

Но молодость, беззаботная полная свобода, братское товарищество, силы девать некуда. Вся жизнь впереди, кажется, — она бесконечна, гуляй. Пожалуй, я не был уж таким загульным гусаром, но от товарищей не отставал и — ехал на ярмарку ухарь купец, удалой молодец. "Останови-ка, ухарь", — говорили старшие. Я было одумывался, а потом опять — "в красной рубахе, весел и пьян". И повесил свою судьбу на тонкую ниточку, которая могла в любой миг оборваться.

Но в это же время повлекло меня, как океанская волна, потянуло, как к магниту, к актрисе нашего театра, красавице и умнице Алле Парфаньяк. Переживаний — гора. Алла замужем. А я кто? Сибирский мало-

образованный мужичок? Ни кола ни двора? Но, к моему великому счастью, и она посмотрела-посмотрела и подала мне руку и отдала сердце. "Кому?", — говорили ей, желая открыть ей глаза. Но надо знать Аллу Петровну — эта женщина в высшей мере самостоятельна и горда. И переубедить ее пока, насколько мне известно, еще никому не удалось. И еще одно редкое качество у женщин — сила воли. Вот она-то, эта воля, и спасла меня.

Алла руку-то протянула, но поставила условие — никаких ярмарок, никаких купцов. Все. Конец. Вот эта-то рука вытянула меня в тот момент, когда я уже пускал пузыри и почти перестал за себя бороться.

Помню, Константин Михайлович Симонов, когда нас выбрали, точнее назначили в Контрольную комиссию ЦК КПСС, на мой вопрос, почему он так рад этому, ну прямо ликует, ответил: "Как ты не понимаешь — я теперь многим смогу помочь, ведь это же власть!"

Я добавил бы: и верная защита. Неважно, что я там ничего не делал и ни за что не отвечал.

На сцене — политический дар

Не так давно показали по телевидению знаменитый в свое время спектакль Театра сатиры, получивший Сталинскую премию, — "Свадьба с приданым". Смотреть его сегодня невозможно, настолько наивен и плох.

Мы такую пьесу тоже играли, называлась она — "В наши дни". Ее герои схлестнулись в непримиримом споре типа: пять или шесть дней вести посевную кампанию. Они надругались, доказывая каждый свое, и неизвестно, чем бы все это кончилось, не переплюнь их ударница-колхозница, которую играла Людмила Целиковская: она засеяла свой клин в три дня. Спектакль ста-

Как-то на одном заводе меня попросили заимитировать под вождем пролетариата и обратиться к рабочим с выступлением, с которым он когда-то обращался к народу. Просьба была вполне серьезной, на партийном уровне. Я опешил. Что это? Восстание из гроба? Ленин с томиком Ленина в руках? Как же надо не уважать взрослых людей, не верить в их умственные возможности, чтоб до такого додуматься!

В нашем театре возникли сложности с "Дионом" Л. Зорина.

"Дион" — историческая сатира, абсолютно проецирующаяся на тогдашнее время, да, пожалуй, и на другие времена, потому что в центре ее — вечное противостояние власти и поэта.

Народ восстает против императора, тот бежит и скрывается у ссыльного Диона. Вспоминаю о Риме, Домициан не раз повторяет: "Когда я жил на Гранатовой улице..."

На одном из обсуждений спектакля — а этих обсуждений было не меньше восьми, и каждый раз чиновники из Министерства культуры не говорили ни да ни нет, не разрешали, не запрещали постановку, а придирались к каким-то мелочам: тут убавить, тут прибавить, тут отрезать, тут приклеить, — один из высоких товарищей заявил: "Вот здесь у вас нехороший намек в названии улицы". "Какой намек? На что?" — не понял Зорин. "Неужели не ясно? На улицу Грановского!"

На улице Грановского в Москве, оказывается, находилась Кремлевская больница, спецраспределитель, а главное — дом, в котором до переезда в особняк на Воробьевых горах жили Хрущев, а также другие известные государственные и партийные деятели.

— Господь с вами! — взмолился Леонид Генрихович. — Гранатовая улица упоминается у Светония в его "Жизнеописании двенадцати Цезарей!"

Но бдительному чиновнику римский историк был не указ, и он настоял, чтобы улицу переименовали в Ореховую.

В 1965 году на экраны страны вышел фильм "Председатель" по сценарию Юрия Нагибина. Я играл в нем главного героя, председателя колхоза Егора Трубникова. В картине была показана непри-

крытая правда о колхозной жизни. Уже готовый фильм сильно резали, но все-таки не резали.

Премьера была назначена на 29 декабря 1964 года. По дороге в кинотеатр "Россия", где она должна была состояться, я увидел на здании напротив огромный щит, извещавший о выходе фильма. Такие щиты, а также афиши и натянута между домов плакаты были по всей Москве.

На сцене — всегда первый.

Когда я вошел в кинотеатр, кто-то сказал мне, что картину запрещают. Премьера состоится, но в прокат фильм не пустят.

Показ прошел с большим успехом. Зал был полон, нам аплодировали, нас поздравляли, обнимали...

Когда мы вышли на Пушкинскую площадь, щита с "Председателем" уже не было...

Что же произошло? А произошло то, что санкциониро-

вать выход фильма в широкий прокат должен был лично Хрущев, а как известно, осенью того года его сместили, генсеком стал Брежнев. Фильм никто не разрешал и не запрещал — он повис. Кто-то наверху посчитал все-таки, что его лучше запретить.

На места была разослана соответствующая директива. Но она опоздала: кое-где уже начался показ "Председателя", и фильм давал огромные сборы.

В Контрольной комиссии ЦК партии я представлял людей искусства. От писателей туда был определен Константин Михайлович Симонов.

В комиссии мы по сути ничего не делали, не решали, ни за что не отвечали. Все это было ширмой, за которой аппарат ЦК делал свои дела. Мы лишь заседали на разных съездах, пленумах, конференциях.

Это "великое сидение" сблизило нас с К.М. Симоновым. В глобальном, так сказать, масштабе мы ничего свершить не могли, но в конкретных случаях наш пост давал возможность многое сделать и много помочь.

Наглядное пособие для молодежи

...Когда много лет спустя, в 1989 году, Олег Ефремов, Кирилл Лавров и я стали депутатами избранного уже демократическим путем Верховного Совета СССР, мы думали, все будет по-другому, демократично. Недолго нас согревала эта надежда. Вскоре мы поняли, что и в этом раскладе нам отведена та же представительская роль.

И позднее, когда я наблюдал уже по телевидению за работой Верховного Совета России, я вконец убедился: представительство ничего не дает той группе, которая посылает в законодательный орган своего депутата, хотя бы потому, что все вопросы решаются простым большинством голосов.

Так имеет ли смысл заниматься политикой отчасти, наряду со своим

основным делом? Не лучше ли отдавать время и силы только этому делу? Ты политик — вот и сиди в Думе, думай думу. Ты актер — вот и будь актером.

...Когда меня избрали председателем СТД, а Элема Климова — Союза кинематографистов, Виктор Астафьев сказал мне: "Это только враги могли придумать, чтобы тебя и Элема Климова выдвинуть в председатели. Они хотя бы свое основное дело не делали и плохо делали то, которое вам навязали".

Климов в отличие от меня, когда это понял, сказал: "Все! Свой срок отбуду и уйду к чертям собачьим". И ушел.

М.С. Горбачев смотрел "Мартовские иды" уже после Фороса. Когда кончился спектакль, он пригласил меня в ложу. Улыбаясь, спросил: "Это что — наглядное пособие для понимания нашей жизни?" — "Да, Михаил Сергеевич, что-то в этом роде", — ответил я.

В кабинет директора Вахтанговского театра, с которым мы обсуждали наши дела, вломилась какая-то баба, толстая, с красным лицом, взлохмаченная, потная от волнения. — Товарищ Ульянов! — еле пере-

Один из первых артистов в политике.

ведя дух, обратилась она ко мне. — У меня к вам выгодное предложение: давайте торговать нефтью!

— При чем здесь я? Какое я имею к этому отношение?

— Понимаете, мне лицензию не дают, а вам, как человеку известному, дадут. Я все устрою и организую сама!

— Но какой нефтью вы собираетесь торговать? Откуда она у меня?

— Обыкновенной нефтью! Об этом не беспокойтесь. А доходы будем делить!

Она уже кричала, выведенная из себя моей бестолковостью: надо же, выгоды своей не понимает!

Естественно, я ее послал. Я был просто в ярости. Такие бизнесмены подобны мародерам в военное время.

Мне позвонили из Новосибирска, пригласили вместе с "Сочинением" и "Стрелком" принять участие в Неделе российских фильмов. (Дожили: в России — Неделя российских фильмов!). Я не смог поехать, но, думаю, это был настоящий праздник искусства. Праздник еще и потому, что он символизировал собой: отечественный кинематограф жив!

Он жив и идет своим путем, по своим ориентирам, главный из которых — человек.

Актерская дружба — по дачному соседству.